

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.011

О СИСТЕМЕ СПРЯЖЕНИЙ ОСЕТИНСКОГО В СРАВНЕНИИ С ТАКОВОЙ В ПЕРСИДСКОМ И ГЕРМАНСКОМ ЯЗЫКАХ

**Э.Т. Гутиева
В.С. Дзарасов**

*В статье рассматривается происхождение и типология дентального показателя прошедшего времени в осетинском, персидском и германских языках в рамках сравнительно-исторической методологии. Актуальность исследования определяется продолжающейся дискуссией о природе дентального претерита, традиционно считающегося уникальной инновацией германской группы. Научная новизна работы заключается в пересмотре устоявшейся аксиомы об исключительности германского дентального суффикса посредством привлечения данных восточно- и западноиранских языков, прежде всего осетинского, чья морфология демонстрирует структурные параллели с германскими формами слабого претерита. Цель исследования состоит в выявлении предпосылок для реконструкции общих механизмов формирования прошедшего времени и в проверке гипотезы о возможной генетической преемственности иранской словообразовательной модели, связанной с рефлексам праяиндоевропейского глагола *dhe- «делать». Методологическая база включает историко-сопоставительный анализ глагольных парадигм, внутреннюю и внешнюю реконструкцию, анализ дистрибуции алломорфов дентального показателя, а также сравнительное исследование личных окончаний в ранних германских и восточноиранских памятниках. В результате сопоставления установлено, что модели типа «корень+дентальный экспонент+личное окончание» встречаются и в германских, и в ряде иранских языков, а осетинский материал демонстрирует как формы с единичной дентальной морфемой, так и редуцированные формы, сопоставимые с готскими данными. Сделан вывод, что дентальный показатель в рассматриваемых языках может быть объяснен как результат грамматикализации постпозитивного компонента, восходящего к *dhe-, а параллели между германскими и иранскими языками свидетельствуют о глубинной диахронической взаимосвязанности.*

Ключевые слова: дентальный претерит; осетинский язык; германские языки; иранские языки; сравнительно-историческое языкознание; глагольная морфология.

Для цитирования: Гутиева Э.Т., Дзарасов В.С. О системе спряжений осетинского в сравнении с таковой в персидском и германском языках // Известия СОИГСИ. 2025. Вып. 58 (97). С. 112-121. DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.011

Поступила в редколлегию: 31.10.2025 г.

Становление сравнительно-исторического языкознания – самая прославленная стадия в развитии наук о языках, знаменующая широту охвата языков, глобальность и масштабность мышления его основоположников, последовательное применение строгих научных процедур в исследовательских практиках. Приоритетными задачами на разных этапах были: установление группы родственных языков и определение их исчерпывающего списка, поиск праязыка и определение его возраста, разыскание прародины и ре-

конструкция последующих миграций носителей языков данной семьи; накопление и ди-хронический анализ эмпирического материала, дискуссии о валидности и репрезентативности данных фонетики и грамматики. Открытия «новых» языков или реконструкции «потерянных» языков, возведение в праязык и последующие ревизии выдвинутых гипотез, их аксиоматизация (как и их полное отрицание) способствовали эволюции научного знания, т.к. для их доказательства требовались аргументы все более высокого порядка, а для их отрицания все более обоснованные контраргументы. Вырабатывались единая терминология для описания и комплексная процедура исследования языков и языковых групп.

Германскую группу, в силу близости возраста ее языков и времени возникновения их письменности, особенно высокая степень документированности: она хорошо подтверждена письменными источниками и чрезвычайно полно изучена. Категоричность и аксиоматичность постулатов германского языкознания обусловлены высоким авторитетом и авторитетностью ученых. Значительную роль играла и германоцентричность ученых, которые опирались преимущественно на материал своих родных или близкородственных языков: Уильям Джоунс – на английский, Расмус Раск – на северогерманские (датский и исландский), Андреас Шёгрэн – на шведский, а блестящая плеяда основоположников сравнительно-исторического метода – на немецкий. Успехи германистов предопределили и высокий уровень развития и центростремительность движения всего индоевропейского языкознания.

Неудивительно, что и «обнаруженный» на Кавказе некавказский язык осетин в первую очередь попал в поле зрения германистов и компаративистов после выхода в свет в Берлине работы Ю. Клапрота «Путешествие на Кавказ и в Грузию». Используя метафору дерева задолго до А. Шлейхера и фактически предвосхищая натуралистическое направление в языкознании, Клапрот писал, что осетины по своему языку «представляются совершенно обособленной и географически изолированной ветвью обширного иранского ствола» [1].

Из любой другой точки мира, да и из самой Осетии первой четверти XIX в., осетинский язык не смог бы так стремительно выйти на орбиту сравнительно-исторического языкознания и столь быстро быть возведенным в «матерь языков германских». Однако уже в 1840 г. Август Потт констатирует, что осетины «столь же мало являются прародителями германцев», сколь безосновательно установление столь близкого языкового родства [2, 20, 59]. Причиной такой модальности А. Потта стала критика предварительных выводов исследовательской экспедиции А. Шёгрена, будущего создателя осетинского алфавита и первой осетинской грамматики. Подобная поспешность и стремительность присущи первопроходцам, когда риск промаха несоизмерим с грандиозностью цели, с достижением предполагаемого научного результата. В данном случае торопливость ученого могла быть подготовлена общим контекстом.

Ирано-германский вектор сопоставительного исследования был задан еще в доклассический период сравнительно-исторического языкознания. Так, востоковед Андреас Мюллер во второй половине XVII в. полагал, что каждое стихотворение на персидском языке может быть понято немцем, а несколько позже Джон Маршем сформулировал мысль о том, что «скифы столь же персы, как готы и германцы» [3, 8]. А кандидатом в праязык – тот «один общий источник, который, быть может, уже более не существует» [4], – скифский стал даже раньше санскрита. Идея о «скифском, как матери греческого, латинского, германского и персидского языков», – восходит к фламандскому гуманисту XVI в. Бонавентуре Вулканиусу [3, 8; 5, 13]. И позднее языковеды выдвигали аргументы в пользу существования семьи «скифских языков», а скифского языка – в кандидаты в праязыки (Р. Раск, Боксхорн, Г.К. Кирхмайер, А. Йегер и М. Хепп). Идея скифского как возможного праязыка продолжала оказывать влияние на ученых и в XVIII в.: на Г. Лейбница, Дж. Бернетта-Монбоддо, У. Джоунса [6, 173]. В такой высоко конкурентной среде обнаружение неизвестного побега «иранского ствола», родственного скифскому, могло обернуться лавровым венком только для его первооткрывателя.

За несколько лет, проведенных за изучением осетинского языка, Шёгрэн мог и самостоятельно, без порицания авторитетного коллеги, отказаться от первоначальной гипоте-

зы. Уже в 1844 г. Шёгрэн отрицает вмененное ему Поттом «странное», «нелепое» мнение, и, отказавшись от сравнительно-исторического подхода, сосредоточивается на создании дескриптивной грамматики осетинского языка. Его фундаментальный труд был призван на месте у самого народа «сделать подробнейшие изыскания, и заполнить «скудость» и «ненадежность» сведений об их языке» [7, XI].

Создание грамматики языков проходило в русле сравнительно-исторической парадигмы. Уже в ранних трудах отцов-основателей постулируется необходимость приоритетного внимания к грамматическим явлениям, среди которых первоочередными являются глагольные спряжения [8; 9; 10; 11].

Руководствуясь собственными методологическими установками, компаративисты должны были подвергнуть системному исследованию глагольные формы. Последовательное сопоставление осетинского языка с языками германской группы не ограничилось бы обнаружением общего лексического фонда и установлением частичного сходства в I переу движении согласных на ступени спирализации: в осетинском языке индоевропейскому глухому щелевому /p/ регулярно соответствует /f/, как и в германских языках. В терминах сходства можно рассматривать и формы претерита.

Образование прошедшего времени в осетинском языке заслуживает внимания и консервативностью своего характера для диахронического анализа, и важностью для межгруппового сравнительного исследования. Выделение и описание морфологических макро- и микропризнаков, безусловно, необходимы, однако количество и характер чередований, а также наличие разных парадигм спряжения в осетинском языке делают практически невозможным исчерпывающее представление сложной системы глагольного формообразования в рамках одной работы. Результат распада огромной флективной парадигмы едва ли мог происходить по «магистралям» с упорядоченным движением. То, что на современном этапе принимается за различия между переходными и непереходными глаголами, может являться смешением форм разных видов и наклонений.

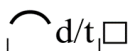
Отсюда проблемы при изучении осетинского языка как неродного. Шёгрэн, полиглот и знаток классических языков, одним из первых испытал на себе эти «сложности, которым <...> изучиться можно одною только практикой» [7, 184].

Осетинский глагол описан в ряде работ [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

Говоря о формах прошедшего времени глагола в осетинском языке, А.П. Выдрин отмечает, что в формах индикатива <...> различаются переходные и непереходные глаголы. У переходных между основой и окончанием появляется показатель -т-, а также используются особые личные окончания [21, 33]. Однако, в силу некоторой неустойчивости парадигмы, в современном языке наблюдаются отклонения от этого противопоставления, что приводит к различным толкованиям происхождения и функции такого дентального показателя.

Н.К. Багаев, описывая спряжение глаголов в осетинском, отмечал, что «основа прошедшего времени образуется от основы настоящего времени при помощи суффиксов -д, -т, -ст, -ад, -ыд с различными во многих глаголах фонетическими изменениями (чередованием гласных и согласных, выпадением согласных и полугласных, ассимиляцией согласных)» [15, 291]. Приведенные суффиксы, на наш взгляд, можно считать алломорфами, либо одним и тем же суффиксом с различными инфиксами или без такового. Самым важным представляется обязательное наличие дентального согласного для образования прошедшего времени индикатива.

В западноиранских языках – фарси и таджикском – также выделяется основа прошедшего времени на дентальный согласный, и в традиции иранского языкознания принято рассматривать ее как основу причастия прошедшего времени:



Спряжение слабых глаголов в прошедшем времени является одним из основных таксономических атрибутов для классификации языка как германского. Противопоставление сильных глаголов, глаголов с чередованием корневого гласного, «главного украшения» (Hauptschönheit), унаследованного от протоиндоевропейского состояния, и слабых

глаголов, более молодых, отличающихся способом словоизменения, «не имеющим аналогов вне данной группы», общегерманской «инновацией», германской «специфической чертой», является центральной осью грамматической системы всех германских языков.

Аксиому об уникальности дентального претерита приведем в редакции А. Мейе, авторитетного языковеда. В предисловии к переводу на русский язык его труда «Основные особенности германской группы языков», В.М. Жирмунский пишет, что у классика метода внешней реконструкции нет оригинальных или самостоятельных гипотез в части именно германских языков. В таком случае оценка Мейе представляется взвешенной и свободной от субъективности: «Происхождение формы претерита германских слабых глаголов в точности неизвестно: это не индоевропейская форма, и поэтому сравнение с другими языками ничего не объясняет, за исключением того, что это – новое образование, относящееся к более позднему времени, чем индоевропейская эпоха; к моменту появления первых германских памятников образование этой формы уже полностью завершилось, так что и сравнение между собой германских языков также ничего не дает» [22, 108]. Французский ученый в первой четверти уже XX в., подводя итог малорезультативным поискам (в том числе, например, У. Бегеманна, сравнивавшего новоперсидский с новонемецким; В.Ф. Миллера, обозначившего сходство отдельных форм с осетинским; К. Бругмана, установившего подобное спряжение у четырех отдельных глаголов в разных языках [23, 59-60]), говорит с деонтической модальностью и предписывает воздерживаться, как и в случае других аксиом, от построения «недостовверных» и «малоубедительных» гипотез.

В нашей работе (первой четверти XXI в.), тем не менее, в качестве нулевой гипотезы выступает именно положение о не-исключительности германского дентального претерита – с этой целью предлагается подвергнуть ревизии данные иранских языков (осетинский, фарси, таджикский), а сходство алгоритмов образования претерита считать не совпадением, не параллельным процессом, а развитием иранского явления в других языках.

Итак, к числу исключительно германских особенностей относят, среди всех прочих, «образование в системе глагола слабого претерита с дентальным суффиксом» [24, 42].

Морфемный состав таких форм претерита с суффиксом можно свести к общей формуле:

$$\curvearrowright \hat{d/t} \square$$

Если игнорировать терминологические расхождения, то сравнение данной формулы с приведенной выше формулой образования прошедшего времени в рассматриваемых иранских языках подводит к общему алгоритму:

корень – дентальный экспонент – личное окончание.

Остается открытым вопрос позволяет ли это внешнее сходство поставить знак равенства между германской и иранской моделью:

$$\curvearrowright \hat{d/t} \square = \boxed{\curvearrowright d/t} \square ?$$

Для концепции о структурном подобии или генетической взаимообусловленности систем образования дентального претерита количество окончаний, их отличия в рассматриваемых языках несущественны, еще более несущественны случаи формального совпадения.

Внешняя схожесть может наблюдаться между отдельными формами, если, например, сопоставлять английский глагол *call* «звать» и форму осетинского глагола *kælyn/kæлын* «литься, течь, проливаться» [25, 35] (табл. 1).

Принципом отбора приведенных лексем явилось их фонетическое сходство, а не генетическое родство или общая семантика. В данной таблице приведена единственная в парадигме спряжения форма с нулевой флексией после дентального: *kald* «он(а) лился(лась)» (3SG), в терминах иранского языкознания, формы *kald* и *called* можно считать чистой основой на дентальный.

Таблица 1.

Сравнение форм с нулевой флексией в осетинском и английском претерите

	инфинитив	претерит
Осет.	kalyn	kal -d- Ø
Англ.	call	call -ed- Ø

Всего личных форм прошедшего времени у осетинского глагола 8, нет ни одной омонимичной, а нулевое окончание отмечено только в третьем лице, наряду с полной ступенью личного окончания *-is - kaldis* и с редуцированной *-i - kaldi*. Форму с редуцированной флексией *kaldi* можно также сопоставлять с тенденциозно подобранным древнеисландским претеритом третьего числа *kalla-ð-i*. По тому же принципу можно находить внешнее сходство между формами *coughe-d* и *kafu-d*, *sai-d* и *cu-d*. На фоне формального несходства абсолютного большинства сопоставляемых единиц такие случаи имеют силу контрпримеров.

Материал современного английского, языка с утраченными окончаниями (lost endings), репрезентативен для данных рассуждений в части наличия дентального элемента. В результате филетического видообразования древнеанглийский флективный язык превратился в аналитический, в осетинском же, напротив, сохранены личные окончания. Наличие вариативных форм спряжения в отдельной форме третьего лица в осетинском языке едва ли можно считать зачатками аналитизма, тогда как тенденция к утрате личных окончаний характерна и для остальных германских языков. Это явление связано с еще одним признаком германской группы — сильным экспираторным ударением на первом / корневом слоге. В связи с этим сопоставление с германскими языками на более ранних, синтетических стадиях их развития позволяет обнаружить большую степень сходства, прежде всего по признаку наличия личного окончания, как в древнеанглийском или в формах спряжения древнеисландских глаголов.

В таблице 2 приведены формы претерита единственного числа древнеисландского глагола *kalla* от общегерманского **kalzōnq-* «звать» и осетинского *kalyn/калын* «проливать, разливать, разбрасывать» [25, 15].

Таблица 2.

Спряжение претерита единственного числа осетинского и древнеисландского

	инфинитив	прет. 1 л. ед.ч.	прет. 2 л. ед.ч.	прет. 3 л. ед.ч.
осет.	kalyn	kal -d- ton	kal -d- tai	kal -d- ta
др.исл.	kalla	kalla -ð- a	kalla -ð- ir	kalla -ð- i

Личные окончания глаголов индивидуальны даже внутри германской группы языков, и на примерах таблицы 2 важно проследить наличие флексий после обязательного для обоих рассматриваемых языков дентальных экспонентов, а не материальное совпадение этих флексий.

Классическим взглядом на происхождение дентального суффикса (*-ð-*, *-d-*, *-t-*) в сравнительно-историческом языкознании до сих пор остается гипотеза Ф. Боппа: окончание слабого претерита является остатком претерита протоиндоевропейского глагола **dhe-* («делать») [8]. В результате языкового развития частотной стала перифрастическая конструкция, содержащая глагольную форму или именную основу и глагол **dhe-* в постпозиции. Легкий, в терминологии О. Есперсена, глагол **dhe-* стянулся в суффиксальное окончание, наблюдаемое в древнегерманских языках: **call+did < call-ed*.

Формы с редупликацией можно обнаружить лишь в готских текстах, самых ранних из германских памятников. Так, в формах единственного числа глаголов один дентальный экспонент: *nasian* «спасать» – *nasida* (1SP, 3SP) *nasides* (2SP), тогда как формы двойственного и множественного числа поддерживают версию о суффигировании глагола с редупликацией (табл. 3).

Таблица 3.

Спряжение осетинских и готских глаголов

	прет. 1 л. дв. ч.	прет. 1 л. мн. ч.	прет. 2 л. дв. ч.	прет. 2 л. мн. ч.	прет. 3 л. мн. ч.
осет.	-	kal- d-t -am-	-	kal- d-t -at	kal- d-t -oj
готск.	nasi- d-ē-d -u	nasi- d-ē-d -um	nasi- d-ē-d -uts	nasi- dē-d -up	nas- d-ē-d -un

$$\begin{array}{c}
 \text{kal} \quad \text{-d-} \quad \boxed{\text{-t-am}} > \text{kal-} \quad \text{dt-} \quad \boxed{\text{am}} \\
 \text{nasi-} \text{-d-} \quad \boxed{\text{-ē-d-um}} > \text{nasi-dēd-} \quad \boxed{\text{um}}
 \end{array}$$

Обращаем внимание, что формы осетинского претерита можно сравнивать с готскими формами не единственного числа не только по принципу наличия дентального экспонента, но и по его редупликации **-d-t-**.

В таком случае этимологически корректно считать дентальный экспонент не суффиксом в германских и не последним согласным основы прошедшего времени в иранских, а в обоих случаях первым согласным легкого глагола **dhe-*.

Гипотеза о гаплогонии и суффиксировании корня **dhe-* приложима в равной мере к формам осетинского претерита на глухой дентальный: *fys-t-on* («писал(а)»), *fys-t-am* («(мы) писали»), *fys-t-at* («(вы) писали»).

Одним из ключевых аргументов в пользу происхождения германского дентального претерита от суффиксированного древнего форманта **dhe-/dhē-* «делать» является то, что большинство слабых глаголов изначально не были исконными глагольными корнями, а представляли собой производные образования от именных основ.

Именно природа исходной основы делает механизм словообразования по формуле *именная основа + «делать»* особенно правдоподобным. В этом случае слабый глагол изначально представлял собой каузативное или факитивное образование, буквально «*делать X*», «*производить X*», что полностью соответствует общеиндоевропейской словообразовательной логике. Примеры этого типа образования хорошо согласуются с реконструируемым значением **dhe-* («класть», «делать», «создавать»), что делает гипотезу о его суффиксации в прагерманском морфологически естественной. Позднейшая грамматикализация такого комплекса могла привести к утрате его лексической осмысленности и превращению **-d-** в исключительно грамматический показатель прошедшего времени.

Сложные глаголы, образованные по модели *основа+глагол «делать»*, являются распространенным явлением использования уже существующих лексических единиц, а также продуктивным механизмом образования новых глагольных лексем и в иранских языках, и при ассимиляции глаголов, заимствованных из других языков.

В современном осетинском языке сложные глаголы синонимичны простым глаголам, с некоторым акцентом на процессуальность производимого действия. В качестве глагольной компоненты обычно используются глаголы *канын* «делать», *уавын* «быть» и *ласын* «тащить» (последний глагол используется реже первых двух) [13, 90]. Чаще других в этой функции выступает глагол *канын*. В записях первых исследователей осетинского языка подобные глагольные композиты пишутся слитно, такая традиция не закрепились. Принципиальным отличием от дентального прошедшего является то, что осетинский глагол *канын* одинаково необходим в формах как настоящего, так и прошедшего времени.

Схема *корень+дентальный экспонент+личное окончание* применима для образования прошедшего времени в языках рассматриваемых групп и легко опознается как иранскими, так и германистами. «Подробнее изыскания» ведут, зачастую, к умножению сущностей, и вслед за Уэскоттом можно возражать не только против лексикографического дробления (у Покорного 5 этимологических гнезд глагола **dhe-/dhē-* [26]), но и грамматического, и этимологического фрагментирования. Указывая на сходство форм новоперсидского и новонемецкого, У. Бегеманн – подобно тому, как В.Ф. Миллер сопоставлял осетинский с отдельными индоевропейскими языками, – привлекал для

обоснования столь разнообразный материал и столь разнородные объяснения, что это не позволило сделать общего вывода [12, 382–390] и поколебать идею германской «гегемонии» на дентальный претерит.

Дентальные экспоненты в глагольных парадигмах индоевропейских языков встречаются, например, в инфинитиве славянских глаголов, в инфинитиве глаголов в таджикском и фарси, в личных окончаниях. Спорадически можно обнаружить дентальные согласные в претеритных формах, как в отдельно взятых испанских формах. Суффикс дентального претерита отмечен в оско-умбрских и в кельтских языках [27, 63].

Тем не менее, как системное явление, дентальные суффиксы стали приметой прошедшего времени именно слабых германских глаголов [28, 29]. Они возводятся к формам сложных глаголов с глаголом **dhe-* в постпозиции, либо к образованиям именных основ и глагола **dhe-*. Рефлексы данного индоевропейского корня очень активно используются в германской группе. Наибольшей доказательной силой для этой гипотезы являются готские слабые глаголы, иллюстрирующие и характер редупликации данного глагола, и личные окончания.

В иранских языках, в которых, несмотря на их общеиндоевропейскую генеалогию, данному корню отказано в активном использовании [26], мы полагаем, что на достаточно ранних стадиях языкового развития могло произойти сужение функций полнозначного широкосеманта **dhe-* до служебных или вспомогательных, а последующее его суффигирование и десемантизация вследствие опрощения затрудняют ретроспективный анализ дентального элемента, на которую заканчивается основа прошедшего времени.

Подобно готскому, большей доказательностью по сравнению с западноиранскими формами обладают формы прошедшего времени в восточноиранском осетинском языке – где также сохранились и редулицированные формы суффигировавшегося глагола и личные окончания. В соответствии с методологией сравнительно-исторического исследования, выявить генетическую связь или генетическую преемственность между формообразованием глаголов в рассматриваемых языках можно по совокупности максимально широкого охвата данных различных индоевропейских языков.

Таким образом, вслед за германскими слабыми глаголами, формы прошедшего времени в осетинском и некоторых западноиранских языках можно считать историческими диахроническими композитами, в которых грамматикализации агглютинации подвергся постпозитивный компонент рефлекс общеиндоевропейского глагола **dhe-*. В осетинском языке это сопровождается сохранением чередований в корневых морфемах.

Сходство между некоторыми иранскими и всеми германскими языками заключается не только в сходстве словообразовательной модели, но и в отсутствии дентального экспонента в парадигме настоящего (если не считать дентальный экспонент таджикского инфинитива *-дан/-тан* инициальным элементом суффигированного глагола, а не суффиксом). Главный вопрос, на который нет ответа в германских и осетинском языках – почему нет глагольной основы в слабых глаголах в настоящем времени, и, наряду с **call+did*, не было **call+do*. Его обязательное присутствие в прошедшем времени подробно обусловлено, но не показано, как основа становится слабым глаголом в настоящем времени. Возможно, отсутствие аблаута в германских облегчает его «карьеру» глагола в настоящем времени, но оно же делает невозможным его использование в прошедшем без этой специальной маркировки.

Благодаря тому, что германисты уделили столь пристальное внимание истории происхождения и типологии дентальных суффиксов, появляется возможность использовать результаты этих исследований как ключ к расшифровке дентального экспонента в иранских языках. Тем же ключом устанавливается и связь в образовании прошедшего времени между рассматриваемыми языковыми группами. В таком случае унаследованная от иранских языков (возможно, скифского) грамматическая тенденция превратилась не только в продуктивный способ формообразования, но и в один из основных классификационных параметров германской группы языков.

1. *Klaproth, Julius von*. Reise in den Kaukasus und nach Georgien: Unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Halle und Berlin, in den Buchhandlungen des Hallischen Waisenhauses, 1812. 956 s.
2. *Ersch, J.S., Gruber, J.G., Meier, M.H.E.* Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste: in alphabetischer Folge. Sect. 2, vol. 18. Indogermanischer Sprachstamm – Insektenstich. Leipzig, Gleditsch, 1840. 496 s.
3. *Droixhe, Daniel*. Avant-propos // *Genèse du comparatisme indo-européen*, Ed. Daniel Droixhe, 5–16. (*Histoire Épistémologie Langage*, vol. 6, fasc. 2.) Lille, Presses Universitaires de Lille, 1984.
4. *Jones, W.* The Third Anniversary Discourse (delivered 2 February, 1786, by the President, at the Asiatick Society of Bengal). Html edition for Eliohs by Guido Abbattista, July 1999. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eliohs.unifi.it/testi/700/jones/Jones_Discourse_3.html
5. *Muller, Jean-Claude*. Early Stages of Language Comparison from Sasseti to Sir William Jones (1786) // *Kratylos*. 1986. Vol. 31. Pp. 1–31.
6. *Klein, J., Brian, J., Matthias Fr.* (eds). Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics. In cooperation with Mark Wenthe. Berlin–Boston, De Gruyter Mouton, 2017. Vol. 1. 1027 p.
7. *Шёгрен А.М.* Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-русским и русско-осетинским. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 976 с.
8. *Rask, R.K.* Undersøgelse om det gamle nordiske eller Islandiske sprogs oprindelse. Copenhagen, Gyldendal, 1818. 327 p.
9. *Bopp, F.* Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenen der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache. Frankfurt am Main, Andreäische Buchhandlung, 1816. 372 s.
10. *Schlegel, Friedrich von*. Über die Sprache und Weisheit der Indier. Heidelberg, Mohr und Zimmer, 1808. 341 s.
11. *Grimm, Jacob*. Deutsche Grammatik. 2nd ed. Göttingen, Dieterich, 1822 [1818]. Part I. 600 s.
12. *Миллер Вс.Ф.* Язык осетин. М.Л.: АН СССР, 1962. 190 с.
13. *Абаев В.И.* Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1959. 168 с.
14. Грамматика осетинского языка. В 2-х т. / Под ред. Г.В. Ахвледиани. Орджоникидзе: СОГУ, 1963. Т. I. Фонетика и морфология. 368 с.
15. *Багаев Н.К.* Современный осетинский язык: в двух частях. Ч. 1. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1965. 487 с.
16. *Thordarson, Fr.* Ossetic Grammatical Studies. Vienna, Österreichische Akademie der Wissenschaften, Veröffentlichungen zur Iranistik, Nr. 48. 2009. 160 p.
17. *Benveniste E.* Études sur la langue ossète. Société Linguistique de Paris. Collection Linguistique 60. Paris: C. Klincksieck, 1959. 164 p.
18. *Таказов Х.А.* Категория глагола в современном осетинском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 1992.
19. *Hettich B.* Ossetian: Revisiting Inflectional Morphology. A Thesis submitted to the Graduate Faculty of the University of North Dakota in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Grand Forks, North Dakota, 2002. URL: <http://www.und.edu/dept/linguistics/theses/2002Hetiich.htm>
20. *Hettich B.* Ossetian. Languages of the World / Materials 475. 2010: Lincom.
21. *Выдрин А.П.* Глагол в осетинском языке. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ossetic-studies.org/vydrin/files/7213/6751/6739/Ossetic_verb_Arseniy_Vydrin_last.pdf
22. *Мейе А.* Основные особенности германской группы языков. Пер. с фр. / Под ред. с предисл. и примеч. В.М. Жирмунского. М.: Едиториал УРСС, 2003. 168 с.
23. *Tops, Guy A.J.* The Origin of the Germanic Dental Preterit. A Critical Research History since 1912. Leiden, Brill, 1974. 99 p.

24. Сравнительная грамматика германских языков: в пяти томах / Под ред. М.М. Гухман, В.М. Жирмунского и др. М.: АН СССР, 1962. Т. 1 204 с.
25. Ирон-уырыссаг дзырдуат / Сост. Т.А. Гуриев, Э.Т. Гутиева. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2018. Т. 3. 720 с. (на осет. яз.)
26. Wescott, R.W. Toward a more concise inventory of Proto-Indo-European roots. 1993. Word, 44:3, pp. 459-472.
27. Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Нестор-История, 2011. 266 с.
28. Collitz, H. Review of *Das schwache Präteritum und seine Vorgeschichte*, by Modern Language Notes, 29(6), 1914, pp. 178–181.

Gutieva, Elmira T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); gutieva@list.ru

Dzarasov, Viktor S. – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); victordzarasov@gmail.com

ON THE SYSTEM OF CONJUGATION IN OSSETIC IN COMPARISON WITH PERSIAN AND THE GERMANIC LANGUAGES.

Keywords: dental preterite; Ossetic; Germanic languages; Iranian languages; comparative-historical linguistics; verbal morphology.

*The article examines the origin and typology of the dental marker of the past tense in Ossetic, Persian, and the Germanic languages within the framework of the comparative-historical method. The relevance of the study stems from the ongoing scholarly debate on the nature of the Germanic dental preterite, traditionally interpreted as a unique innovation of the Germanic group. The research offers novelty by revisiting this long-standing assumption through the inclusion of East and West Iranian data, particularly from Ossetic, whose verbal morphology displays structural parallels with the Germanic weak preterite. The aim of the study is to identify the premises for reconstructing shared mechanisms in the formation of past-tense morphology and to test the hypothesis that the dental marker may reflect a genetically earlier Iranian model derived from reflexes of the Proto-Indo-European verb *dhe- 'to do'. The methodology combines historical-comparative analysis of verbal paradigms, internal and external reconstruction, examination of the distribution of dental allomorphs, and comparative analysis of personal endings in early Germanic and East Iranian sources. The results demonstrate that the structural pattern "root + dental exponent + personal ending" appears both in Germanic and in several Iranian languages, with Ossetic preserving simple and reduplicated dental formations comparable to Gothic data. The study concludes that the dental marker is best interpreted as a grammaticalized reflex of a postposed element descending from *dhe-, and that the parallels between Germanic and Iranian verbal systems may indicate a deeper diachronic interconnectedness.*

For citation: Gutieva, E.T., Dzarasov, V.S. On the System of Conjugation in Ossetic in Comparison with Persian and the Germanic Languages // *Izvestiya SOIGSI*. 2025. Iss. 58 (97). Pp. 112-121. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2025.97.58.011

References

1. Klaproth, Julius von. Reise in den Kaukasus und nach Georgien: Unternommen in den Jahren 1807 und 1808, auf Veranstaltung der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg. Enthaltend eine vollständige Beschreibung der kaukasischen Länder und ihrer Bewohner. Halle, Berlin, Hallisches Waisenhaus, 1812. 956 s.
2. Ersch, J.S., Gruber, J.G., Meier, M.H.E. Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste: in alphabetischer Folge. Sect. 2, vol. 18. Leipzig, Gleditsch, 1840. 496 s.
3. Droixhe, Daniel. Avant-propos. In *Genèse du comparatisme indo-européen*, ed. Daniel Droixhe, 5–16. Lille, Presses Universitaires de Lille, 1984.
4. Jones, W. The Third Anniversary Discourse. 1786. [Electronic recourse]. URL: https://www.eliohs.unifi.it/testi/700/jones/Jones_Discourse_3.html

5. Muller, Jean-Claude. Early Stages of Language Comparison from Sasseti to Sir William Jones (1786). *Kratylos*. 1986, vol. 31, pp. 1–31.
6. Klein, J., Brian, J., Matthias Fr. (eds). *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*. Berlin–Boston, De Gruyter Mouton, 2017, vol. 1. 1027 p.
7. Sjögren, A.M. *Osetinskaya grammatika, s kratkim slovarem osetinsko-rossiiskim i rossiisko-osetinskim* [Ossetic Grammar with a Short Ossetic–Russian and Russian–Ossetic Dictionary]. Moscow, Institute of World Literature of RAS, 2010. 976 p.
8. Rask, R.K. *Undersøgelse om det gamle nordiske eller Islandiske sprogs oprindelse*. Copenhagen, Gyldendal, 1818.
9. Bopp, F. *Über das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenen der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache*. Frankfurt am Main, Ane dreäische Buchhandlung, 1816. 372 s.
10. Schlegel, Friedrich von. *Über die Sprache und Weisheit der Indier*. Heidelberg, Mohr und Zimmer, 1808.
11. Grimm, Jacob. *Deutsche Grammatik*. Part I. 2nd ed. Göttingen, Dieterich, 1822 [1818]. 600 p.
12. Miller, V.S.F. *Yazyk osetin* [The Ossetic Language]. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1962. 190 p.
13. Abaev, V.I. *Grammaticheskii ocherk osetinskogo yazyka* [A Grammatical Sketch of the Ossetic Language]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1959. 168 p.
14. Akhvlediani, G.V. (ed.). *Grammatika osetinskogo yazyka. V 2-kh t. T. I. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Ossetic Language. In 2 vols. Vol. I. Phonetics and Morphology]. Ordzhonikidze, North Ossetian State University, 1963. 368 p.
15. Bagaev, N.K. *Sovremennyyi osetinskii yazyk. Ch. 1. Fonetika i morfologiya* [Modern Ossetic. Part 1. Phonetics and Morphology]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1965. 487 p.
16. Thordarson, Fr. *Ossetic Grammatical Studies*. Vienna, Österreichische Akademie der Wissenschaften, Veröffentlichungen zur Iranistik, Nr. 48. 2009. 160 p.
17. Benveniste, É. *Études sur la langue ossète*. Paris, C. Klincksieck, 1959. 164 p.
18. Takazov, Kh.A. *Kategoriia glagola v sovremennom osetinskom yazyke* [The Verb Category in Modern Ossetic]. Doctoral dissertation (in Philology). Moscow, Institute of Linguistics of RAS, 1992.
19. Hettich, B. *Ossetian: Revisiting Inflectional Morphology*. MA Thesis, University of North Dakota, 2002. URL: <http://www.und.edu/dept/linguistics/theses/2002Hetiich.htm>
20. Hettich, B. *Ossetian*. *Languages of the World*. Materials 475. Munich, Lincom, 2010.
21. Vydrin, A.P. *Glagol v osetinskom yazyke* [The Verb in Ossetic]. [Electronic recourse]. URL: https://www.ossetic-studies.org/vydrin/files/7213/6751/6739/Ossetic_verb_Arseniy_Vydrin_last.pdf
22. Meillet, A. *Osnovnye osobennosti germanskoi gruppy yazykov* [The Main Features of the Germanic Group of Languages]. Moscow, Editorial URSS, 2003. 168 p.
23. Tops, Guy A.J. *The Origin of the Germanic Dental Preterit. A Critical Research History since 1912*. Leiden, Brill, 1974. 99 p.
24. Gukhman, M.M., Zhirmunsky, V.M., et al. (eds). *Sravnitel'naya grammatika germanskikh yazykov* [Comparative Grammar of the Germanic Languages]. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1962, vol. 1. 204 p.
25. Guriev, T.A., Gutieva, E.T. (comps). *Iron-uyryssag dzyrduat* [Ossetian-Russian Dictionary]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2018, vol. 3. 720 p. (in Ossetian).
26. Wescott, R.W. *Toward a more concise inventory of Proto-Indo-European roots*. *Word*. 1993, iss. 44 (3), pp. 459–472.
27. Kuzmenko Yu.K. *Ranniye germantsy i ikh sosedi: Lingvistika, arkheologiya, genetika* [Early Germans and their neighbors: Linguistics, archaeology, genetics] St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2011. 266 p.
28. Collitz, H. *Review of Das schwache Präteritum und seine Vorgeschichte*, by Modern Language Notes. 1914, iss. 29 (6), pp. 178–181.